

ГАРРИ ГАРРИСОН

Тренировочный полет

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Г 21

Harry Harrison
SIMULATED TRAINER
A Collection of Short Stories and Novellas
Copyright © 2020 by The Estate of Harry Harrison
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Игоря Почиталина, Виктора Вебера, Кирилла Плешкова,
Ирины Гуровой, Ольги Полей, Александры Сагаловой,
Геннадия Корчагина, Эдварды Кабалевской, Евгения Факторовича,
Андрея Новикова, Андрея Гришина, Александры Килановой,
Павла Киракозова, Михаила Левина, Сергея Ильина, Ирины Зивьевой,
Кирилла Слепяна, Александра Корженевского, Елены Михайлик

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Иллюстрация на фронтисписе Сергея Григорьева

© В. А. Вебер, перевод, 2001, 2002	© Г. Л. Корчагин, перевод, 2014, 2016
© А. В. Гришин, перевод, 2001	© М. Б. Левин, перевод, 1994
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1969	© Е. Ю. Михайлик, перевод, 2014
© И. А. Зивьева, перевод, 1994	© А. В. Новиков, перевод, 1994, 2014
© С. Б. Ильин, перевод, 1994	© К. П. Плешков, перевод, 2014
© Э. И. Кабалевская (наследники), перевод, 1970	© О. В. Полей, перевод, 2014
© А. С. Киланова, перевод, 2016	© И. Г. Почиталин (наследники), перевод, 1967, 1969, 1971, 1994
© П. А. Киракозов (наследники), перевод, 1998	© А. Л. Сагалова, перевод, 2016
© А. И. Корженевский, перевод, 1989	© К. Ф. Слепян, перевод, 1994
	© Е. П. Факторович (наследники), перевод, 1967
	© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18327-8

ПРОНИКШИЙ В СКАЛЫ

Ветер пронесся над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпал его твердыми, как сталь, ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже нуля. Пит чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно скривились в жалком подобии улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернуться обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка, пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились прозрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади; Пит остановился и стряхнул снег с костюма. Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня и включил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог удержать изумления при виде этого невероятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшего ему проходить сквозь ска-

лы, всепроникатель, он воспринимал как само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные со всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому месту, откуда, как он надеялся, берет начало все эти жилы.

Пит шел вперед, нагнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода пронеслась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваясь сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллографа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико — остроконечные зигзаги волн сверкали подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффективную, — смерть, при которой он навсегда останется в толще породы, подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, негибавших скалопроникателей, которые под вечными снегами Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг

с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет на самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Норт Америкэн майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сэм пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», — бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор, пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сэма, навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сэм понял, что его всепроникатель вышел из строя, — и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были на последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше негде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на шлеме выхватил из тьмы на скале возле лощины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие голубым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор в штекер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с частотой человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка — сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттотанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплечный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттотанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов — всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого... Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цепь чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованного. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, позволяющую человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через которую он в этот момент двигался... Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и зашагал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет выбраться отсюда в целости и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой — если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, вверх. Пит рванулся к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и возобновит поиски завтра. Вспышка пламени — и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток — следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток — отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения — его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл *Б* туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины *А* возбудить сигнал в генераторе, половина *Б* будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, на какую будет настроен чувствительный приемник. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл *А* в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучительно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, — казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтрализатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь проникающая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтрализатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил всепроникатель.

Молниеносно — что всегда изумляло его — окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на шлеме пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рубидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся минерал, который не имело смысла добывать так далеко, за полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроникателя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рубидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление — по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыча что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Солидные, достойные люди, сжимающие контракты в холеных руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, — пусть теперь поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обтешут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся сквозь землю, перевоза шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и холеного, входящим в «Отдых шахтера»...

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развеяли эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге уязвали в землю. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и принялись.

— Недурно пахнет, правда, Мо? — улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо донесся из-под складок одежды: «Точно, Эджи». Щелк! — и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Эджи недобро усмехнулся:

— Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой. Очевидно, он был безобразным от рождения и с годами не стал лучше. Нос его был расплюсчен, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивали верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Да нет, спасибо, приятель, — ответил коротышка. — Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали — а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни хуже нет, чем таскаться под землей. — Произнеся эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего.

Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

— Верно, — осторожно согласился Пит. — Я за последние месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Эджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со щелканьем он открыл огромный складной нож.

— Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

— Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Эджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Эджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Эджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой — контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался

повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул — у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умолял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два — голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они разламывали голову, сотрясали все тело. Откуда-то издали послышался голос Элджи:

— Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

— Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу — убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медленнее. Так или иначе, я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Элджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пещеру, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная металлическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он влез в кабину, как Элджи включил мощный стационарный проникатель. Когда прозрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Элджи беззвучно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере; с его помощью он мог связаться с армейской базой, и через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рубидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле — в воздухе закружились

хлопья серебряного снега. Внутри круга, описываемого контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро...

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке — гребок левой рукой, вспышка — и гребок, вспышка — и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горячие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнилось — он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком у лица — и сквозь лицо — Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовищные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протацил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка...

Элджи склонился над ним:

— Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

— Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмехался:

— Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтобы тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся:

— Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал на спусковой крючок — пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздуходела к шлему Элджи. Grimаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был тертый калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет:

— Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его, он думал только об одном:

— Ты убил Элджи. Ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить

кровотечение, и перевязал рану стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проницатель работал безукоризненно — машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА

«Праздник, проведенный за работой. Вот уж действительно праздник! Я пробыл на Луне год. Писал картины триста шестьдесят пять дней, а вернувшись на Землю, первым делом иду в музей „Метрополитен“, чтобы посмотреть на другие картины. — Brent улыбнулся. — Хочется надеяться, что время будет потрачено не зря».

Он посмотрел на длиннющую лестницу. Гранитные ступени чуть поблескивали под ярким августовским солнцем. Он глубоко вдохнул, переложил трость в правую руку. Начал подниматься, одну за другой медленно преодолевая ступени. Казалось, они уходили в бесконечность.

Почти добрался до верха... оставалось преодолеть лишь несколько ступеней. Трость соскользнула с одной из них, он потерял равновесие, покатился вниз.

Женщина, стоявшая в тени на площадке за лестницей, громко закричала. Она наблюдала за ним с того самого момента, как он вылез из такси. Brent Далгрин, знаменитый художник, теперь все знали это молодое загорелое лицо под шапкой серебрино-седых волос, выбеленных радиацией космоса. Газеты писали, что от долгого пребывания в условиях пониженной силы тяжести мышцы его очень ослабли. Он с таким трудом взбирался по ступеням, а потом скатился с них. Женщина кричала, кричала и кричала.

Его перенесли в медпункт музея.

— Гравитационная слабость, — сказал он сестре. — Все будет в порядке.

К счастью, все кости остались целыми. Медсестра лишь нахмурилась, прикоснувшись к его коже. Померила ему температуру, глаза у нее округлились, она испуганно посмотрела на него.

— Я знаю, — кивнул Brent. — Значительно выше нормальной. Волноваться не надо, повышение температуры никак не связано с падением. Скорее наоборот.

— Я должна все занести в журнал, таков порядок.

— Мне бы этого не хотелось. Незачем общественности знать, что у меня проблемы со здоровьем. Если вас не затруднит, позво-

ните доктору Грейберу в Медикэл-Арт-Билдинг. Он вам скажет, что для меня повышенная температура — обычное дело. И музею нет нужды волноваться о том, что он несет ответственность за ухудшение моего здоровья.

Он легко представил себе заголовки газет: «ЛУННЫЙ ХУДОЖНИК УМИРАЕТ», «ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА ИСКУССТВО». Но он не считал себя героем. Он знал об опасностях радиационной болезни. Вначале четко следовал инструкциям: в скафандре проводил на поверхности Луны положенное время, и ни минуты больше. До того, как у него возникла проблема.

А состояла она в том, что он никак не мог ухватить атмосферу Луны. В одной картине ему это почти удалось, а потом как отрезало. Атмосферу полного безлюдья, экстремальных условий, царящих на равнинах, в кратерах. Ощущение инопланетности, которое ускользало от него, прежде чем он успевал запечатлеть его в красках.

Критики называли его картины уникальными, удивительными, говорили, что именно так, по их мнению, и выглядела Луна. А вот в этом он не мог согласиться с критиками. Безвоздушный спутник Земли был совершенно не таким. Другим... настолько другим, что он так и не смог ухватить эту разницу. И теперь его ждала скорая смерть: он потерпел неудачу, не смог реализовать мечту своей жизни.

Радиационная лихорадка пожирала его кровь и кости. Еще несколько месяцев, и она покончит с ним. Он боролся со временем, спешил уложиться в оставшиеся месяцы. Спешил и потерпел неудачу... не сложилось.

Медсестра, хмурясь, положила трубку на рычаг.

— Я связалась с доктором Грейбером, и он подтвердил ваши слова, мистер Далгрин. Если вы так хотите, я не буду ничего записывать. — Она помогла ему встать.

Луна стала забываться по ходу того, как перед глазами замелькали земные полотна. Он наслаждался произведениями искусства, которые создавались на протяжении многих веков. То была его жизнь, и он старался увидеть как можно больше, компенсировать свое долгое отсутствие на Земле. Греческие мраморные скульптуры успокаивали, картины Рембрандта вновь пробуждали интерес к творчеству. Его радовало, что после стольких лет, отданных живописи, он мог ходить по этим залам, с нетерпением ожидая встречи с, казалось бы, давно знакомыми картинами. Но ему хотелось посмотреть и на что-нибудь новенькое. Лифт доставил его к залам современного искусства.

И сразу его душевное спокойствие нарушила картина. Осенний пейзаж, типичный пример модерн-классицизма, столь модно-го в последние несколько лет. Но в картине было и что-то еще: неуловимая отстраненность.

Его ноги начали дрожать. Он понял, что надо немного отдохнуть.

Брент уселся на широкий диван у главной лестницы, но мыслями никак не мог оторваться от картины. Что-то его тревожило, задевало за живое, но он никак не мог понять, что именно.

Он чувствовал, что объяснение следует искать в эмоциональной сфере. Всякий в то или иное время испытывал удовольствие или заинтересованность, глядя на любую форму визуального искусства. Эмоциональный отклик могли вызвать и фотоснимок в журнале, и рисунок, и даже хорошо спроектированное здание. Брент попытался проанализировать свои ощущения, но ничего путного не выходило. Сформулировать он сумел лишь одну не слишком вытнкую мысль: «В этой картине что-то не так».

Но внезапно он получил ответ. Он явился к нему мгновенно, словно его озарило. Ему вспомнились лунные равнины, на которые не ступала нога человека. Ощущение это выражалось одним словом: инопланетность.

Это ощущение появлялось у него в вечной безжизненности молчаливых лунных просторов. Но как оно могло ассоциироваться с изящным осенним пейзажем? Каким образом художник сумел выразить это необычное чувство на холсте? Брент отругал себя, разумеется молча. Это не картинка из жизни другой планеты. Это «Осень в лесу», нарисованная человеком, который не понимал, что пишет. Человеком, который иначе смотрел на привычное всем и каждому. Художником, который смотрел на кипучую жизнь осеннего дня, а рисовал вечную смерть безжизненного спутника.

Брент оперся на трость, учащенно забилося сердце. Он должен найти этого художника. Должен поговорить с ним, узнать у него... выбить, если необходимо... он должен выяснить секрет этого человека. Мысль о близкой смерти тяжелым грузом лежала на плечах. Умереть, не зная, как передать в картине это ощущение!

Он убил себя в погоне за ним... и ничего не достиг. А на Земле жил человек, обладающий знанием, которое он искал. От таких мыслей хотелось выть.

Не без труда, но он взял себя в руки. Посидел, пока не совладал с расшалившимися нервами. Твердо сказал себе, что должен найти этого человека.

В правом нижнем углу картины, в тени валуна, стояла подпись: Артур Ди Коста. Brent никогда не слышал о таком художнике, но в этом не было ничего удивительного. Настоящие художники вымирали, как динозавры. Они трудились в подсобках, в старых гаражах, заполняя холст за холстом ради собственного удовольствия. И зачастую с их работами широкая общественность знакомилась уже после смерти художника.

Опять смерть, сердито подумал Brent. Развернулся и направился к служителю, коротавшему время около абстрактной скульптуры.

— Конечно, мистер, — ответил ему служитель. — Вы найдете куратора в его кабинете. Дверь вон там.

— Благодарю, — пробормотал Brent и проследовал в направлении, указанном мясистым пальцем. Нашел нишу, практически скрытую роскошными гобеленами. В ней обнаружил фонтанчик с питьевой водой, приводимый в действие фотоэлементом, и псевдомраморную дверь с надписью на табличке: «Доктор Эндрю Киннент — куратор, коллекция современного искусства».

Brent открыл дверь, вошел в приемную. Секретарь оторвалась от компьютера.

— Я — Brent Далгрин. И хотел бы переговорить с мистером Киннентом.

— Тот самый мистер Далгрин?! Минуточку... — Зардевшись, девушка нажала на кнопку аппарата внутренней связи. — Заходите, мистер Далгрин. Мистер Киннент будет рад встрече с вами.

Но ни очаровательная улыбка, ни радушный прием не произвели на Brentа ни малейшего впечатления: думал он совсем о другом.

После тридцати минут, отданных искусству вообще, Brent перевел разговор на нынешнюю экспозицию, а конкретно — на одного художника.

— Ди Коста — один из наших самых талантливых молодых художников. — Куратор самодовольно улыбнулся, словно он сам обучил Ди Косту секретам мастерства. — В Нью-Йорке он живет недавно, но уже успел сделать себе имя. Позвольте мне дать вам его адрес. Я уверен, что вы с удовольствием побеседуете с ним. Общность интересов, знаете ли.

Brent легко согласился получить те сведения, за которыми, собственно, и пришел. Своими истинными мыслями он делиться с Киннентом не стал. Не подкрепленные доказательствами, они действительно могли вызвать сомнения в психическом здоровье человека, который бы их высказал. Но самого Brentа это не остано-

ливалось. Жизнь подходила к концу, но сначала хотелось найти ответ на самый важный для него вопрос.

Нужный ему дом ничем не выделялся среди доброй сотни других, которые выросли на модных теперь Тридцатых улицах, заменив собой корпуса фабрик по пошиву верхней одежды. Brent перешел на другую сторону улицы, оглядел дом 31. Отсутствие окон указывало на то, что финансовых проблем у владельца нет. А все, что его интересовало, он мог узнать только внутри — не снаружи. Brent вновь перешел улицу, встал на хромированный квадрат перед дверью.

Сработавший под тяжестью тела датчик активировал механического дворецкого.

— Резиденция мистера Ди Косты. Чем я могу вам помочь?

— Мистер Brent Далгрин желает увидеться с мистером Ди Костой.

— Я очень сожалею, но касательно вас я не располагаю никакой информацией, сэр. Если вас не затруднит оставить сооб... — Голос робота оборвался, сменившись мужским:

— Рад приветствовать вас, мистер Далгрин. Пожалуйста, заходите.

Дверь распахнулась, открыв маленькую, отделанную деревом прихожую. И лишь когда дверь закрылась, Brent понял, что находится в кабине лифта. Она тронулась с места, плавно остановилась, задняя стенка скользнула в сторону, открывая путь в библиотеку-кабинет. Из-за стола поднялся мужчина, шагнул навстречу Brentу, протягивая руку.

Brent ее пожал, не сводя глаз с лица мужчины. Ростом Ди Коста был повыше Brentа, худощавость как-то не вязалась с плавностью движений. Рука у него была длинная и сильная. Только тут Brent поймал себя на том, что просто таращится на хозяина.

— Надеюсь, вы извините меня за столь внезапное появление в вашем доме, мистер Ди Коста. Я увидел вашу картину в «Метрополитен», и она очень заинтересовала меня.

Brent остановился, понимая, что это неубедительный предлог для появления в доме художника. И порадовался тому, что Ди Коста взял инициативу на себя.

— Я вас прекрасно понимаю, мистер Далгрин. Со мной такое бывало не раз, когда я видел картины — ваши и некоторых других художников. — Он улыбнулся. — Далеко не всех, уверяю вас. Я смотрел на эти картины и говорил себе: хотелось бы мне встретиться с человеком, который их создал. Но такие встречи крайне

редки, о чем я очень сожалею. И мне льстит, что вы испытываете те же чувства при взгляде на мои работы.

Доброжелательность Ди Косты сломала лед, скоро они стали лучшими друзьями. Brent сидел в удобном кожаном кресле, Ди Коста смешивал напитки в баре, удачно вписанном в интерьер. Тем самым у Brenta появилась возможность оглядеть кабинет. То, что он видел, ему нравилось. Пожалуй, он бы и сам не отказался от такого кабинета. Что несколько удивляло, так это вращающаяся полка с книгами в углу.

Brent вдруг понял, что она медленно вращалась и когда он вышел из лифта. И еще... ну да, на столе так же медленно вращалась тяжелая бронзовая пепельница. Они создавали необычный эффект, но скорее приятный, чем наоборот. И гармонировали с кабинетом и личностью хозяина.

— А вот и выпивка. Сначала тост... За долгую жизнь и хорошие картины для нас обоих.

Brent чуть хмурился, пригубивая из стакана.

Есть такой феномен: о тонкостях профессии с удовольствием говорят и плотники, и банковские служащие. Вот и Brent легко втянулся в дискуссию о достоинствах ализариновых красок и влиянии искусства Византии на итальянских художников, скульпторов и архитекторов эпохи Возрождения. Но при этом какая-то часть его сознания скрупулезно оценивала слова Ди Косты, тщательно наблюдала за ним. Но хозяин Brenta ни на йоту не выходил из образа джентльмена, не стесненного в средствах и живо интересующегося живописью.

За живой беседой уже незаметно пролетели полчаса, когда в дверь кабинета легонько постучали. Она открылась, в кабинет вошла красивая женщина в элегантном наряде, выдержанном в серебристо-серых тонах, в котором в полном соответствии с последней модой преобладали греческие мотивы.

Она остановилась у порога.

— Я не хотела беспокоить тебя, Артур, но... о, извини, я не знала, что у тебя гость.

Ди Коста подошел к ней, нежно взял под руку.

— Я очень рад, что побеспокоила, дорогая. Позволь представить тебе знаменитого Brenta Далгрена. — Он обнял женщину за талию. — Моя жена Мария.

Brent пожал ей руку, улыбнулся, глядя в большие карие глаза. Она чуть ответила на рукопожатие, как и полагалось в приличном обществе. Очаровательная жена, комфортабельный, уютный дом — Артур Ди Коста являл собой образец современного джентльмена.

И получалось, что картина в музее — единственное, в общем-то пустяковое, отклонение от нормы.

Но в то мгновение, когда он держал в руке руку Марии, его взгляд упал на портрет, висевший у двери.

И только невероятным усилием воли он удержался от того, чтобы не раздавить ее руку. Ди Коста изобразил Марию, и в ее портрете...

Присутствовала та же тонкая трансформация, что и в осеннем пейзаже, который захватил его внимание в музее. Что-то такое было в изгибе губ, в глазах, которыми она смотрела с портрета. Brent оторвал взгляд от картины, но уже после того, как Ди Коста заметил, куда он смотрит.

— Должно быть, это удивительное ощущение, — рассмеялся он. — Одновременно видеть перед собой и мою прекрасную Марию, и ее портрет на стене. — Он прикоснулся к раме, и картину залил мягкий свет.

Brent пробормотал какую-то похвалу, шагнул к картине, словно надеялся, что уменьшение расстояния позволит найти ответы на его многочисленные вопросы.

Ди Косте, похоже, льстил интерес знаменитого художника к его творчеству. Они обсудили многие проблемы, с которыми сталкивается портретист, удачные или неудачные их решения. Смутившуюся, чуть покрасневшую Марию попросили встать рядом с портретом. Она сделала вид, что эта дискуссия, птичья грамота для непосвященных, нисколько ее не раздражает.

— Эта синяя тень на шее помогает формировать...

— Эффект золотых волос, падающих на скулу, достигается...

По их просьбе она то поворачивала, то наклоняла голову, не участвуя в разговоре.

А маленькая часть сознания Brentа продолжала наблюдать и анализировать. *Как* Ди Коста создавал свои картины, становилось более-менее ясно, а вот *почему* — оставалось загадкой. В лице, в фигуре инопланетность, чужеродность отсутствовали напрочь, скорее получалось, что она смотрела на что-то абсолютно ей неизвестное.

Brent почувствовал, как в висках начинает пульсировать боль. Но к счастью, раздалась мелодичная трель телефонного звонка, отвлекшая Brentа от поиска ответов на мучившие его вопросы. Ди Коста извинился и прошел в соседнюю комнату, оставив Brentа наедине с Марией. Не успели они усестись в удобные кресла, как вновь появился Ди Коста. По выражению лица чувствовалось, что он получил какое-то неприятное известие.

— Прошу меня извинить, но мой адвокат просит немедленно приехать. Какой-то важный вопрос, касающийся моей собственности. Мне так не хочется уезжать. Мы обязательно должны продолжить наш разговор. Пожалуйста, не торопитесь уходить, мистер Далгрин. Мой дом в полном вашем распоряжении.

После ухода Ди Косты Brent и Мария поболтали на самые разные темы, уже никак не связанные с живописью. Не мог же Brent сразу спросить у женщины, которую видел первый раз в жизни: «Мадам, ваш муж рисует чудовищ? Или вы сами ведьма? В этом секрет?»

Быстрый взгляд на наручные часы убедил его, что пора уходить: негоже злоупотреблять гостеприимством хозяев.

Прикуривая, Brent как бы случайно посмотрел на часы, стоявшие на каминной доске.

— Как, уже половина четвертого? Прошу меня извинить, но мне пора идти.

Мария встала, улыбнулась:

— Вы для нас — самый желанный гость. — Она продолжала улыбаться. — Я знаю, что тут я могу говорить не только за себя, но и за Артура. Мы очень надеемся увидеть вас вновь.

— Постараюсь оправдать ваши надежды, — улыбнулся в ответ Brent.

Прощание прервала открывшаяся дверь лифта и громкие вопли маленького человеческого существа. Девочка бросилась к Марии, а когда та взяла ее на руки, зарыдала еще громче, уткнувшись ей в плечо. Пластмассовая кукла с раздавленной головой свидетельствовала о том, что для рыданий, сотрясавших не только золотистые кудряшки, но и все тельце, есть веский повод.

Brent молча стоял, пока рыдания не утихли. Мария улыбнулась ему, уговаривая девочку поздороваться с гостем. Наконец раскрасневшееся, заплаканное личико повернулось к нему.

— Дотти, познакомься, пожалуйста, с мистером Далгрином...

— Добрый день, мистер Далгрин... но, мамик, он наступил на куклу, а потом рассмеялся, когда она сломалась...

От этих слов слезы брызнули вновь.

— Успокойся, Дотти. Ты же не хочешь, чтобы твой отец увидел тебя в таком состоянии, — сказал Brent.

Эти вроде бы совершенно безобидные слова произвели неожиданный эффект. Не на девочку — на мать: Мария заметно побледнела.

— Артур — не отец Дотти, мистер Далгрин. Видите ли, это мой второй брак. Он... Я хочу сказать, у нас не может быть детей. — Чувствовалось, что слова эти даются ей нелегко.

Брент чуть смутился... и одновременно обрадовался: обнаружилось первое отклонение от нормы. И неожиданная бледность Марии ясно указывала: ее что-то тревожит. За это «что-то» Брент с радостью отдал бы последний тюбик краски. Возможно, этот секрет не имел отношения к живописи, но, скорее всего, связь была. И он твердо решил ее отыскать.

Дневная жизнь города уступила место ночной. Брент шевельнулся в большом кресле, протянул руку к стакану бургундского, стоявшему на столике. Квартирка у него была маленькая, но очень хорошая. Одно из немногих роскошеств, которые он себе позволял. Впрочем, роскошество это, скорее, звалось необходимостью для тех, кто зарабатывал на жизнь, продавая свои эмоции, выраженные цветом.

Вино могло потерять вкус, вид города — нет. Нью-Йорк, вечный город чудес. Рассеянный свет в комнате не бросал отблесков на окно, так что взгляд устремлялся в свободный полет над архитектурной страной. Лазерные лучи гуляли по небу, изредка отражаясь от самолета или стратоплана. Сам город сиял тысячами огней тысяч оттенков. Даже сюда, на сто восьмидесятый этаж, доносился ни на секунду не умолкающий городской шум. Нью-Йорк, самый удивительный из городов, созданных человеком, вот в нем и жил человек, который не был человеком в полном смысле этого слова.

Частичный ответ Брент получил, двух мнений тут быть не могло. Недостающее звено он обнаружил в одной из своих картин. Единственной, которая принесла ему хоть какую-то удовлетворенность. Она далась ему девятью часами непрерывной работы, когда он подверг себя, по терминологии врачей, «опасному воздействию». На полотне удалось отразить грубое, ничем не прикрытое великолепие вечного космоса. Инопланетный ландшафт, увиденный человеческим глазом. А у Ди Косты все с точностью до наоборот: обычные человеческие сцены, увиденные другими глазами. Возможно, глаза эти не были для Земли полностью инородными, потому что разницу мог уловить только тот, кто ее искал. Но в одном Брент не сомневался: без инопланетного воздействия не обошлось.

Он также получил и косвенное подтверждение своей правоты. Закон природы оставался законом, а гены — генами. Люди и обезьяны — теплокровные млекопитающие, ближайшие родственники с точки зрения антропологии. Однако генная несовместимость исключала появление общих потомков.

СОДЕРЖАНИЕ

Проникший в скалы. <i>Перевод И. Почиталина</i>	5
Жизнь художника. <i>Перевод В. Вебера</i>	16
Нить судьбы. <i>Перевод К. Плешкова</i>	31
Безработный робот. <i>Перевод И. Гуровой</i>	79
Мир на волоске. <i>Перевод О. Полей</i>	97
Капитан со сдвигом. <i>Перевод А. Сагаловой</i>	118
Ремонтник. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	129
Робот, который хотел все знать. <i>Перевод Э. Кабалевской</i>	143
Тренировочный полет. <i>Перевод Е. Факторовича</i>	150
Рука закона. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	165
Я тебя вижу. <i>Перевод А. Сагаловой</i>	182
Планета райского блаженства. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	203
Магазин игрушек. <i>Перевод И. Почиталина</i>	218
Война с роботами. <i>Перевод А. Новикова</i>	224
Смерть пришельца. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	245
Домой, на Землю. <i>Перевод А. Гришина</i>	261
От каждого по способностям. <i>Перевод А. Новикова</i>	283
Источник опасности. <i>Перевод И. Почиталина</i>	297
Спасательная операция. <i>Перевод И. Почиталина</i>	314
Только не я, не Эймос Кэйбот! <i>Перевод А. Гришина</i>	330
Знаменитые первые слова. <i>Перевод А. Гришина</i>	339
Изгой. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	346
Плюшевый мишка. <i>Перевод И. Почиталина</i>	372
Подлинная история Франкенштейна — наконец-то! <i>Перевод А. Килановой</i>	382
Контактер. <i>Перевод П. Киракозова</i>	388
Когда боги курят фимиа. <i>Перевод В. Вебера</i>	398
Преступление. <i>Перевод И. Почиталина</i>	412
Вы люди насилия. <i>Перевод А. Гришина</i>	425
Государственный служащий. <i>Перевод А. Гришина</i>	437
Я делаю свою работу. <i>Перевод В. Вебера</i>	447

Конечная станция. <i>Перевод М. Левина</i>	450
Ни войны, ни звуков боя. <i>Перевод С. Ильина</i>	461
Наши люди из патруля. <i>Перевод А. Новикова</i>	482
Если... <i>Перевод И. Зивьевой</i>	571
Перегрузка. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	578
Из фанатизма, или За вознаграждение. <i>Перевод А. Новикова</i>	596
Пожиратели мертвечины. <i>Перевод П. Киракозова</i>	608
На краю водопада. <i>Перевод А. Кирановой</i>	621
Один шаг от Земли. <i>Перевод А. Новикова</i>	628
Хранители жизни. <i>Перевод И. Зивьевой</i>	645
Трудная работа. <i>Перевод И. Зивьевой</i>	680
Последнее сражение. <i>Перевод А. Гришина</i>	701
Жена бога. <i>Перевод К. Слепяна</i>	703
История конца. <i>Перевод И. Зивьевой</i>	717
Охотник с большой буквы. <i>Перевод П. Киракозова</i>	729
Соседи. <i>Перевод А. Корженевского</i>	733
Пришельцы, дары приносящие. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	756
Бомбардировщик обороны. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	772
Добросовестная работа. <i>Перевод И. Зивьевой</i>	788
Ad astra. <i>Перевод К. Плешкова</i>	799
Бегство от огня. <i>Перевод А. Новикова</i>	813
Последний поезд. <i>Перевод Е. Михайлик</i>	844
День после конца света. <i>Перевод В. Вебера</i>	849
Вид с вершины башни. <i>Перевод Е. Михайлик</i>	860
Заря бесконечной ночи. <i>Перевод В. Вебера</i>	869
Пес и его мальчик. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	883

Гаррисон Г.

Г 21 Тренировочный полет : рассказы / Гарри Гаррисон ; пер. с англ. В. Вебера, И. Почиталина, К. Плешкова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 896 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-18327-8

Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) — один из творцов классического «ядра» мировой фантастики, создатель бессмертных циклов о Язоне динАльте и Джиме ди Гризе по прозвищу Стальная Крыса, автор культовых романов «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и «Фантастическая сага», гранд-мастер премии «Небьюла», рыцарь ордена Святого Фантония и вообще человек, имевший привычку оставлять яркий след на любом поприще — вплоть до продвижения эсперанто.

И конечно, он замечательный, фантастический рассказчик. «Тренировочный полет», «Безработный робот», «Проникший в скалы», «Рука закона» и еще не один десяток рассказов Гаррисона стали подлинной классикой жанра.

Данный сборник включил всю лучшую «малую форму» знаменитого автора. Поверьте, вы не будете разочарованы!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН
ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЕТ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Дмитрий Капитонов

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.08.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайте:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-НФФ-26918-01-Р